

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ Н. И. НОВИКОВА

I

В истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. сатирическая журналистика 1769—1774 гг. занимает важное и недостаточно еще оцененное место. В дореволюционном русском буржуазном литературоведении сложилась абсолютно неверная точка зрения, будто сатирические журналы 1769 и последующих годов явились в свет в результате либеральных начинаний Екатерины II и представляли собой разработку предначертаний императрицы. Легенда о либеральности «Тартюфа в юбке и короне» (Пушкин) не вполне изжита, к сожалению, и в наше время. Сатирическая журналистика 1769—1774 гг., в ее лучших проявлениях, в журналах Н. И. Новикова, Л. И. Сичкарева и Ф. А. Эмина, вопреки общепринятому в старом литературоведении мнению, не следовала указаниям Екатерины, а, напротив, энергично боролась с ней, ее политикой и ее придворным окружением, ее литературными агентами.

Это было серьезное и продуманное наступление русской передовой литературы на самодержавие Екатерины, это было первое большое литературное выражение сформировавшегося общественного мнения в России.

Совершенно понятно, что либерально-дворянское и буржуазное литературоведение не было заинтересовано в том, чтобы представить в подлинном свете борьбу сатирических журналов с политикой Екатерины, показать прогрессивное значение этой борьбы и определить ее место в истории русской общественной мысли, в истории русского освободительного движения, в истории литературы и журналистики.

Отправляясь от предвзятой и ложной точки зрения о «славном царствовании», о «блестящем веке» Екатерины, буржуазно-дворянские историки и историки литературы представляли дело так, будто все писатели второй половины XVIII в. тем только и

занимались, что прославляли «мудрую» Екатерину и популяризировали ее передовые гуманные взгляды.

Чтобы правильно понять русскую историю и литературу второй половины XVIII в., необходимо избавиться от неизжитого полностью воздействия «екатерининской легенды», не принимать на веру высказываний писателей того времени в их посвящениях Екатерине, в их панегирических произведениях, имевших часто официальный, парадный характер.

В произведениях русских писателей 1770-х, 1790-х годов сплошь и рядом встречаются указания на то, что они не могут прямо выражать свои взгляды, что им приходится прибегать к околичностям, пользоваться иносказаниями. Двух-трех примеров, притом взятых из произведений писателей различных политических убеждений, будет совершенно достаточно, чтобы убедиться в правильности сказанного выше. Так, представитель умеренно-«либерального» дворянства А. П. Сумароков в трагедии «Дмитрий Самозванец» (1771) заставляет положительных героев пьесы — Шуйского, Георгия и Ксению — произносить тирады, раскрывающие позицию автора при изложении им своих политических взглядов.

В диалоге с дочерью, Ксенией, Шуйский признается:

Не мни, чтоб истину злодею я открыл.
Когда имеем мы с тираном сильным дело,
Противоречити ему не можем смело:
Обман усилился на трон его венчать,
Так истина должна до времени молчать,
Доколь низвержется сие с России бремя.

(д. I, явл. 4).

В еще более неприкрытой форме проводит ту же точку зрения Сумароков в диалоге Георгия и Ксении в самом начале второго действия трагедии:

Г е о р г и й

Язык мой должен я притворству покорить:
Иное чувствовать, иное говорить,
И быти мерзостным лукавцам я подобен;
Вот поступь, если царь не праведен и злобен.

(д. II, явл. 1).

Насколько полны острых политических намеков трагедии Сумарокова 1760-х, 1770-х годов, можно видеть из заключительной реплики Мстислава в одноименной трагедии Сумарокова (1774). Следует вспомнить, как именно в эти годы западно европейские панегиристы Екатерины трубили о том, что ее мудрости повсеместно «ставятся алтари». И вот Сумароков заставляет

Мстислава произнести фразу, так лукаво построенную, что она является одновременно и дерзким выпадом против Екатерины и, при желании, комплиментом ей:

Хотя состроятся тиранам алтари,
Они презренные и гнусные цари,
А праведный монарх, сидящий на престоле,
Всего любезнее, всего на свете боле.

Но не только Сумароков пользовался системой двупланового построения своих произведений для критики современности, с позиций «либерального» дворянства, для борьбы с Екатериной и ее политикой. В 1777 г. появилось в свет «Слово похвальное Марку Аврелию» Антуана Тома в переводе Д. И. Фонвизина. Хотя, на первый взгляд, это переводное произведение не имело прямого отношения к борьбе передовых русских писателей с Екатериной, но современники понимали, что именно потому и обратился Фонвизин к «Слову похвальному Марку Аврелию», что изображенная в «Слове» обстановка напоминала русскую действительность тех лет. Панегирик Тома прославляет «философа на троне», идеального монарха; в то же время Тома обращается и к монархам, отступающим от этого идеала. Старец Аполлоний, в уста которого вложено «Слово похвальное Марку Аврелию», говорит наследнику покойного императора, только что вступившему на престол Коммоду: «Скажут еще тебе, что ты велик, что ты своим народом обожаем». Оратор убеждает Коммода не поддаваться этим обольщениям: «Не ослепляйся также и почитаниями. Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренне. Поверь мне, что нельзя обмануть народов. Ни в чем сердце оскорбленное правосудие не усыпляется. Царь мира! Ты можешь меня заставить умереть, но не можешь заставить сердца моего почитать тебя».

Уже одно обращение к произведениям писателей второй половины XVIII в. позволяет, при внимательном чтении их, решительно отвергнуть «екатерининскую легенду». Еще более прочным становится убеждение в лживости дворянско-буржуазной традиции, превозносившей «славный век Екатерины», когда мы знакомимся с историей возникновения и развития этой легенды.

Современники достаточно хорошо знали подлинное положение вещей и высмеивали уверения казенных панегиристов, что век Екатерины — век «Астреи на земле», век богини справедливости, считавшийся в античной мифологии «золотым». Если в 1787 г., в связи с двадцатипятилетием царствования Екатерины, имя Астреи многократно вспоминалось рептильными стихотворцами, то в «Беседующем гражданине» (1789), журнале, часть сотруд-

ников которого находилась под идейным воздействием А. Н. Радищева, печатается «Рондо», из которого мы приведем только первый и последний куплет:

О времена! О нравы!
Златый скончался век.
Лишь собственной забавы
Здесь ищет человек.
Астрея удалилась,
Неправда воцарилась,
Всяк чтит ее уставы...
О времена! О нравы!

О времена! О нравы!
Несчастливая страна!
Честь, истины уставы —
Суть праздны имена;
Хоть всем они здесь лестны,
Но малым, ах! известны,
Как блеск прямых славы...
О времена! О нравы!

(«Беседующий гражданин», 1789, ч III,
декабрь, стр. 305, 307—308).

Не только современники, но и ближайшие поколения, люди первой трети XIX в., имевшие возможность общаться со старожилыми XVIII в., знали настоящую цену «славного века Екатерины», знали непопулярность императрицы в народе. Пушкин не раз обращался к теме Екатерины. Будучи хорошо осведомлен о подлинном положении вещей в царствование Екатерины, он записывает в Кишиневе: «... со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятий России. От канцлера до протоколиста все крало и все было продажно... развратная государыня развратила свое государство».

Через двенадцать лет Пушкин в наброске статьи о русской литературе конспективно записывает свои мысли о Екатерине и литературе ее времени: «Екат[ерина], Ф[он]визин и Радищ[ев]. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же, как и народ (члены ко[миссии] — депутаты)...».

Но то, что было известно Пушкину, шло по устной традиции и не было широко распространено в обществе первой трети XIX в.; в это время уже полностью сложилось фальшивое, антиисторическое представление о царствовании Екатерины.

«Екатерининская легенда» создавалась в первую четверть XIX в., в царствование Александра I, любимого внука «императрицы-философа»; тогда был официально прокламирован культ Екатерины, имя ее, ее действия, политика, личность всячески прославлялись, причем в такой форме, что большая доля лучей этой славы освещала самого Александра. В период усиления правительственной реакции в царствование Николая I, по словам такого осведомленного лица, как П. И. Бартенев, издатель «Русского архива», отношение правительства к памяти якобы «либеральной» Екатерины коренным образом изменилось, и, повидимому, именно в противовес официальному направлению передовые русские писатели, в частности Белинский, позднее Чернышевский, стали подчеркивать значение просветительной деятельности Екатерины: на фоне жестокой реакции николаевского времени, да и позже, ссылки на правительственный либерализм Екатерины имели значение одного из приемов политической борьбы.

Так возникшая и развивавшаяся легенда о «славном царствовании Екатерины», о всеобщем признании ее подданными, о ее громадном моральном авторитете мешала правильному пониманию всей русской истории второй половины XVIII в., мешала правильному пониманию истории русской литературы этого периода, не позволяла, в частности, правильно осмыслить такой существенный эпизод в истории русского общества того времени, как сатирическая журналистика 1769—1774 гг.

II

Сатирические журналы 1769—1774 гг. возникли в итоге довольно длительного и напряженного развития русской общественной мысли XVIII в. Содержание этого процесса развития можно определить словами И. В. Сталина, как «вековую тягбу русского народа с царским самодержавием».¹

Несмотря на откровенно классовый характер преобразовательной деятельности Петра I, создававшего государство помещиков и торговцев за счет жесточайшей эксплуатации крепостных масс, результаты этой деятельности были полезны для России в целом, так как было создано мощное, обороноспособное государство и были окончательно пресечены хищнические попытки западных соседей России превратить ее в свою колонию. Равным образом

и культурные преобразования Петра, при всей их явной буржуазно-дворянской направленности, также имели общенациональное значение; была создана новая светская культура, был осуществлен почти полный разрыв с церковной культурой предшествующего периода, оказано широкое содействие развитию науки, просвещения, литературы; при всей классовой ограниченности петровских преобразований они не могли не оказать влияния на рост культуры демократических слоев русского народа. Поэтому литература петровского времени в значительной своей части имеет прогрессивное значение.

Усилившаяся после смерти Петра реакция, поддерживаемая его слабыми и бесталанными преемниками, поставила перед передовыми русскими писателями новую задачу общенационального значения: при Петре нужно было разъяснять его мероприятия и развивать новые прогрессивные явления русской культуры, при его преемниках необходимостью стало отстоять уже завоеванное, сохранить его и сберечь. Борьба за петровские начала, пропаганда идей преобразования становилась в таких условиях знаменем прогрессивных (как дворянских, так и демократических) русских писателей 1730—1740-х и, отчасти, 1750-х годов. Именно этим объясняется передовой характер сатирической и просветительной деятельности Кантемира; поэтому большое значение имели переводы Тредиаковского — политические романы, пропагандировавшие идеи просвещенного абсолютизма; поэтому так высоко ценили люди XVIII в. трагедии дворянского «либерала» Сумарокова, рисовавшего образы «идеальных государей», просвещенных монархов, отцов своих подданных. Поэтому была так многогранна и всеобъемлюща патриотическая деятельность Ломоносова, ученого, поэта, просветителя, наиболее крупного представителя демократической русской мысли в первой половине XVIII в. Культ Петра, который так характерен для русской литературы второй трети XVIII в. и даже позднее, представлял разновидность пропаганды прогрессивных идей в форме прославления умершего императора. Восхваления Петра и его реформы уже сами по себе служили свидетельством прогрессивности писателя. Именно в виду этого лицемерная Екатерина считала нужным, в особенности в начале своего царствования, афишировать свое «обожание» Петра.

Передовые представители поколения писателей 1730-х, 1740-х годов, борясь за сохранение петровских реформ, были настроены гражданственно, патриотически. Отражая в своем творчестве в меру своего понимания, в меру своих сил и возможностей потребности народной жизни, прогрессивные писатели первой половины XVIII в. воспитали новое, второе поколение

литературных деятелей, возглавлявшихся Новиковым и Фонвизиным.

Этому поколению писателей пришлось действовать уже в иных условиях: петровские преобразования, хотя и в сильно приноровленном к интересам одного только дворянства виде, укрепились. Россия приобрела большое политическое влияние в Европе, усилилось самодержавие, несмотря на то, что в результате дворцовых переворотов, которые, по словам В. И. Ленина, «были до смешного легки»,¹ сами монархи часто менялись, а наряду с усилением монархии, шло невероятное развитие крепостничества в самой грубой форме.

Перед вторым поколением прогрессивных русских писателей XVIII в. встала задача борьбы с наиболее дикими формами самодержавия и крепостничества. Едва ли кто-либо из них поднимался до осознания необходимости борьбы с самодержавием и крепостничеством как всеобщим злом. Но борьбу против произвола самодержавия и против диких проявлений крепостничества они считали своим долгом и делом. Писатель старшего поколения, Сумароков в конце 1750-х годов издает журнал «Трудолюбивая пчела» (1759), в котором видное место занимает сатирическая борьба еще не с теми общими принципами самодержавия и крепостничества, против которых выступают писатели второго поколения, а только с наиболее отвратительными проявлениями хищничества, казнокрадства и взяточничества, процветавшими при правительстве Елизаветы. В 1761 г. молодой Д. И. Фонвизин пишет по случаю смерти Елизаветы язвительную басню-сатиру «Лисица-казнодей», в которой уже высмеивает сказки о просвещенном монархе.

Можно было бы привести еще не мало примеров проявления духа критики и сатиры в русском обществе конца 1750-х годов, но едва ли это здесь необходимо. Жена наследника престола, великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина II, пробивавшая себе в это время дорогу к престолу, прекрасно учла новые явления русской действительности и поняла, что ей, чужеземке, нельзя будет, хотя бы на первых порах, царствовать так деспотически, как это делала Елизавета, за которой стоял авторитет Петра; что ей, Екатерине, надо привлечь на свою сторону критикующих и недовольных, надо объявить себя ненавистницей деспотизма и сторонницей просвещенного абсолютизма. Расчет ее был прост и точен, и это дало ей на некоторое время возможность усыпить бдительность передовых кругов русского общества.

Вступив на престол с помощью дворцового переворота и дав торжественное письменное обязательство уступить власть своему сыну Павлу по достижении последним совершеннолетия (1770), Екатерина старалась укрепить свое шаткое положение рядом продуманных шагов. Она издает указы о борьбе со взяточничеством, с ростовщичеством, с мотовством, задумывает созыв «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения», которое должно заменить «Уложение», созданное при царе Алексее Михайловиче, пишет для этой Комиссии «Наказ», скомпилированный из трудов западно европейских правоведов и публицистов, раздает этот «Наказ» на отзыв ряду видных деятелей эпохи, полемизирует с их замечаниями на «Наказ», словом, проявляет большую энергию в своем стремлении провести в жизнь желательные ей мероприятия.

Желание Екатерины показать свою «прогрессивность» и этим снискать поддержку «либеральной» части дворянства было продиктовано не только соображениями личной заинтересованности как незаконной монархини, узурпировавшей власть и стремящейся сохранить ее. Это были, прежде всего, поиски путей укрепления дворянского общества, испытывавшего растущее недовольство крепостного крестьянства.

«В течение 1760-х годов, — пишет проф. Н. Дружинин, — одновременно были охвачены волнениями 100 тыс. крестьян церковных имений, 100 тыс. крестьян, приписанных к горным заводам, и 50 тыс. крестьян помещичьих имений; массовое брожение наблюдалось и в районах южных однодворческих поселений. Волнения охватили обширную территорию центральных и восточных губерний. Это были массовые протесты нового типа: в отличие от крестьянских бунтов XVII и начала XVIII столетий, которые являлись борьбой против процесса закрепощения, волнения церковных, приписных и помещичьих крестьян 1760-х годов были борьбой против феодальной эксплуатации, осложненной новыми капиталистическими отношениями. Это была первая волна крестьянского протеста, который в результате усиливавшегося прибоя привел к крестьянской войне 1773—1775 гг. и сохранил свои характерные черты до самой отмены крепостного права».¹

Волнения четверти миллиона крестьян (при общем количестве населения около 20 миллионов человек) были фактом очень значительным, с которым и Екатерина и дворянство в целом должны были серьезно считаться.

¹ Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 94.

«Сложившаяся в феодальной деревне новая ситуация, — продолжает цитированный выше автор, — сразу же отразилась на сознании господствовавшего класса: под непосредственным впечатлением крестьянского движения появились дворянские проекты смягчения крепостного права, а правительственная политика вылилась в форму так называемого „просвещенного абсолютизма“. Чтобы укрепить заколебавшуюся феодальную систему, дворянское государство не только усиливало политику репрессий, но и пошло на частичные уступки, стараясь приспособиться к слагавшимся буржуазным отношениям» (там же).

Таковыми уступками был «Наказ» Екатерины и созыв знаменитой «Комиссии 1767 г.».

«Комиссия для сочинения проекта Нового уложения» не оправдала надежд Екатерины, несмотря на достаточно хорошо организованный порядок выборов депутатов, регламент работ Комиссии и умело подобранный административный аппарат ее. В Комиссии, вскоре после официальной торжественной части, начались довольно резкие столкновения различных социальных групп, в ней представленных, обсуждение вопросов повестки дня шло вовсе не в желательном для Екатерины направлении: крепостники-дворяне требовали отмены петровской табели о рангах, дававшей возможность не-дворянам по происхождению становиться потомственными дворянами-помещиками по службе, и запрещения новым дворянам покупать землю и крепостных; купцы, промышленники, духовенство и даже кулацкие элементы из свободных («государственных») крестьян заявляли претензии на право приобретать крепостных и землю; представители демократических слоев населения — однодворцы, мелкие казаки и пр., — отражая настроения крепостной массы, не имевшей права посылать депутатов в Комиссию, боролись с крепостническими требованиями большинства. Ко всему этому присоединилась еще борьба на национальной почве: депутаты недавно присоединенных «провинций» — Лифляндии, Эстляндии и более старых (Украины, Смоленской области — Белоруссии) — добились сохранения за их территориями старых местных законов, вопреки желанию Екатерины унифицировать все части государства в отношении законов.

Все эти обстоятельства, в особенности споры по поводу положения крепостных крестьян, вызвали оживленные отклики в различных слоях общества. Крепостная масса отзывалась на эти события в анонимном стихотворении, которому в науке присвоено название «Плач холопов». Здесь находятся следующие строки, касающиеся дворянских заправил «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения»:

В свою ныне пользу законы переменяют,
Холопей в депутаты затем не выбирают,
Что могут, де, холопы там говорить.

«Комиссия» стояла в центре внимания всех слоев общества. В ее работах принимали участие многие современные писатели различных политических убеждений и социальной принадлежности. Депутатами были: из числа писателей дворяне-консерваторы, реакционеры — кн. М. М. Щербатов, Д. В. Волков, А. А. Волков, Н. Е. Муравьев, И. П. Чаадаев и др., дворяне-либералы екатерининской ориентации — И. П. Елагин, А. В. Нарышкин, А. А. Ржевский, А. А. Нартов, В. И. Бибииков, С. Г. Домашнев, писатели, представители украинского дворянства — В. Т. Золотницкий, Г. И. Полетика, Н. Н. Мотонис, писатели-разночинцы — Я. П. Козельский, Л. В. Татищев, Г. В. Козицкий, профессор Я. Урсинус. В качестве секретарей («сочинителей»), протоколистов («держателей дневных записок», т. е. протоколов пленума Комиссии и ее частных комиссий), и переписчиков работали передовые писатели: кн. Ф. А. Козельский, Н. И. Новиков, М. И. Попов, А. О. Аблесимов и др.

Таким образом, видно, что тогдашняя литература в значительном большинстве ее представителей так или иначе принимала участие в занятиях Комиссии и, конечно, была в курсе ее дел.

18 декабря 1768 г., после почти трехмесячного перерыва в работах Комиссии, маршал (председатель) Комиссии А. И. Бибииков срочно созвал пленум и объявил о роспуске Комиссии впредь до особого извещения, мотивируя это решение Екатерины необходимостью депутатам-военным отправиться в свои воинские части для принятия участия в начинающейся войне с Турцией. Хотя формально Комиссия не была закрыта (частные комиссии продолжали собираться) и сроки ее созыва несколько раз отодвигались, но для всех было ясно, что Комиссия не удовлетворила Екатерину и была распущена по воле императрицы навсегда.

III

Закрытие Комиссии вызвало еще более оживленные толки, чем ее деятельность. Екатерина учла это и пришла к заключению о необходимости успокоить общественное мнение, разъяснив причины закрытия столь широко разрекламированной Комиссии, и попутно изложить основные принципы правительственной политики.

Екатерина решила сделать это при помощи периодического издания, при помощи сатирического журнала, который стал вы-

ходить анонимно со 2 января 1769 г. Журнал назывался «Всякая всячина»; был распушен слух, что издателем его является секретарь Екатерины, писатель Г. В. Козицкий, но осведомленные люди знали, что во главе «Всякой всячины» в качестве ее направляющего руководителя стоит сама императрица. Эта внешняя законспирированность участия Екатерины во «Всякой всячине» сыграла определенную роль в дальнейшем.

Чтобы удобнее было провести свои замыслы в жизнь, Екатерина сочла нужным не делать «Всякую всячину» единственным сатирическим журналом и, хотя и без официального объявления, дала во вступительной статье первого листа журнала знать читающей публике, что издание аналогичных органов печати разрешается. Поэтому уже в конце января 1769 г. стал выходить журнал М. Д. Чулкова «И то и сё», затем последовали журналы «Ни то, ни сё» В. Г. Рубана, «Поденьшина» В. Тузова, «Смесь» Л. И. Сичкарева, «Трутень» Н. И. Новикова, «Полезное с приятным» И. Ф. Румянцева и И. А. де-Тейльса, наконец, «Адская почта» Ф. А. Эмина.

Большая часть этих журналов просуществовала едва до конца 1769 г.; только «Всякая всячина» и «Трутень» продолжали издаваться в первом полугодии 1770 г. В 1770—1774 гг. появляются некоторые новые сатирические журналы, но самыми интересными из них и заслуживающими внимания советского читателя являются только три: «Пустомеля» (1770), «Живописец» (середина 1772—середина 1773) и «Кошелек» (1774). Все три последние журнала издавал Н. И. Новиков, ранее (1769—1770) издававший журнал «Трутень».

Именно к четырем журналам Н. И. Новикова и еще к «Смеси» Л. И. Сичкарева и «Адской почте» Ф. А. Эмина относится характеристика, данная Н. А. Добролюбовым: «они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки».

«Всякая всячина», считая себя родоначальницей «поколения Всякия всячины», полагала, что ей удастся своими статьями направить общественное мнение по желательному для Екатерины пути; однако, и очевидно не без основания, — перед нею был уже пример непокорности Комиссии депутатов, — она предвидела возможные осложнения со строптивыми писателями. Во вступительной статье (статья безусловно написана самой Екатериной) было сказано следующее: «Мой дух восхищен: я вижу будущее. Я вижу бесконечное племя Всякия всячины. Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети; будут и уроды ее место со временем заступать» (л. I, стр. 2 об.—3). Фраза об «уродах» явно свидетельствует, что Екатерина ожидала оппозиционных выступлений.

Свои задачи «Всякая всячина» сформулировала как осмеяние пороков: «добрый вкус и здравое рассуждение... одною рукою прогоняют дурачества и вздоры, а другую доброе поколение Всякия всячины за руку ведут» (стр. 3).

Однако «уроды», т. е. передовая сатирическая журналистика, не пожелали быть ведомыми «рукою Всякия всячины»: почти с первых же листов в ряде журналов, в особенности «Смеси», «Трутне» и «Адской почте», началась резкая полемика с журналом Екатерины. Так как все журналы печатались в правительственных типографиях: Академии Наук, Сухопутного Шляхетного корпуса и Морского корпуса (частных типографий тогда в России еще не существовало), то цензуре, осуществлявшейся при этих типографиях, было предписано строго следить за тем, чтобы не пропускалось в печать «ничего противного законам божеским и государственным» и ничего обидного для отдельных личностей.

Все это заставило издателей передовых сатирических журналов и их сотрудников прибегнуть к особой системе обозначений осмеиваемых лиц, внешне неуязвимой и в то же время понятной читателям. Читатели того времени привыкли угадывать самые легкие и, казалось бы, неуловимые намеки современных им сатирических писателей. Поэтому одни и те же имена осмеиваемых «порочных» людей встречаются и в «Трутне», и в «Смеси», и в «Адской почте»: при сравнительной малонаселенности тогдашнего Петербурга и знании писателями и читателями большинства крупных особ столицы эти условные имена легко разгадывались, и сатирический удар попадал в цель. Это обстоятельство имело существенное значение в тогдашних условиях. Сатира представляла не абстрактное, оторванное от жизни и социальной борьбы явление, а элемент именно этой борьбы. Это проявилось прежде всего в двух основных пунктах полемики: а) о характере и пределах сатиры и б) о положении крепостной массы.

«Всякая всячина», как указано было выше, ставила своею целью осмеяние порока. Но цель эту можно было осуществить двояко: направляя острие сатиры на «порок» и не касаясь конкретных носителей порока, и высмеивая порочных людей и, тем самым, поражая порок. На языке сатирических писателей 1769—1774 гг. эти две возможности обозначались терминами: сатира «на порок» и сатира «на лицо».

«Уроды» из поколения «Всякой всячины» пошли по пути «сатиры на лицо», чем немало возмутили и встревожили Екатерину, чувствовавшую, что журналистика идет не по тому пути, который был императрице желателен. Началась длительная и

упорная полемика по вопросу о допустимом и желательном характере сатиры.

Новиков, скрываясь под всевдонимом Правдулюбова, резко высмеивал позицию Екатерины, настаивавшей на допустимости одной только сатиры «на порок» и аргументировавшей эту точку зрения «человеколюбием», стремлением не обижать человеческое достоинство осмеиваемых сатирой. Правдулюбов-Новиков едко назвал это «человеколюбие» «пороколюбием», остроумно доказывал, что сатира «на общий порок» выгодна только знатым людям, и утверждал, что путь всякой истинной сатиры идет от осмеяния конкретного порочного лица к превращению в сатиру на порок вообще: «Меня никто не уверит и в том, что бы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок» («Трутень», 1769, л. XXV).

Спор о принципах и границах сатиры не имел чисто литературного характера. За видимой полемикой о допустимости сатиры «на лицо» шла борьба за право писателя, право литературы критиковать не только вредные общественные явления, но и виновников их, критиковать административный аппарат, выражать свободно и открыто свое негодование поступками «знатных особ», не исключая и самой Екатерины. Спор о характере сатирической литературы превращался в борьбу за свободное общественное мнение, за право писателей быть рупором интересов народа так, как они понимали эти интересы, и выступать против того, что представлялось им нарушением этих интересов.

Передовые сатирические журналисты, хорошо зная, кто стоит во главе «Всякой всячины», и пользуясь анонимностью издания, нападали на Екатерину с достаточной откровенностью. Так, в письме 11 «Адской почты» Эмина, в которой ведут переписку два беса, Кривой бес пишет Хромоногому: «Ты знаешь, брат, что я из ада определен к политическим делам. Если бы ты не был такой бес, как я, то подумать бы мог, что дурно отправляю мою должность, уведомляя тебя о маловажных случаях, которые в политику не всеми включаемы бывают. Светские люди, — многозначительно продолжает Кривой бес, — политикой называют, по большей части, действия самые тончайшие и тайною хитростию наполненные; однако многие из них, и по нашему рассуждая, вмещают в политику и всякую всячину» («Адская почта», 1769, июль, стр. 41; разрядка моя. — П. Б.). Предупредив, таким образом, читателя, что «Всякая всячина» рассматривается им в качестве какого-то звена в политике Екатерины, Эмин начинает следующую книжку своего журнала с «письма г. Всякой всячине». Здесь он, касаясь позиций екате-

рининского журнала в вопросе о характере сатиры, пишет: «Ты таким своим нравоучением всем нравиться хочешь, но поверь мне, что придет время, в которое будешь подобна безобразному лицу, белилами и румянами нехстати украшивающемуся. Знай, что от всеснедающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику, когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным сделается» (стр. 76—77).

Итак, Эмин совершенно откровенно заявляет, что считает «Всякую всячину» журналом политическим и к тому же журналом, проводящим «слабую», неубедительную политику. В самом деле, предпринимая издание журнала, Екатерина хотела, как уже указывалось выше, объясниться со своими читателями, дать понять, почему ею распущена Комиссия, как представляет она себе свои задачи и какое поведение подданных желательно ей. Эти свои взгляды она изложила в так называемой «Сказке о мужичке» (стр. 164—168) и в статьях «Дядюшка мой человек разумный есть» (стр. 220—224) и «Молодые люди всего желают отведасть» (стр. 339—341).

Содержание «Сказки о мужичке» таково. Жил да был мужичок. Когда он вырос и окреп, его старый кафтан стал ему узок. Долгое время ему не удавалось добиться у помещичьего приказчика, чтобы тот отдал приказ сделать мужичку новый кафтан. В конце концов сыскался добрый приказчик, который созвал портных, дал им сукно и велел шить мужичку кафтан. Им был даже дан «образцовый кафтан». Но портные оказались не на высоте призвания, они не справились с делом. Пока они возились, «вошли четыре мальчика, коих хозяин недавно взял с улицы, где они с голода и холода помирали». Мальчики, хотя и были грамотными и могли помочь незадачливому портному, но не пожелали сделать этого и стали требовать, чтобы им отдали те кафтаны, «кои у нас были, как мы были пяти лет, мы в них очень нарядны будем, нам теперь пятнадцать лет». Требования мальчиков совсем помешали портным шить кафтан мужичку, который на улице без кафтана вовсе замерз. А дворецкий стал уверять мальчиков, что хозяин и их не забудет, «только им наперед ту милость заслужить должно, а не попустому упорствовать». Кончается сказка словами: «Продолжение впредь сообщу».

Смысл этой политической сказки таков. Мужичок — русский народ; кафтан — Новое уложение; дворецкий-приказчик — Екатерина; портные — Комиссия депутатов; четыре грамотных мальчика — представители Лифляндии, Эстляндии, Украины и Смоленской области, требовавшие сохранить им их старинное местное самоуправление. Последние слова сказки и обещание сообщить

«продолжение впредь» должны были объяснить подлинные причины закрытия Комиссии и условия возобновления ее деятельности.

Очевидно именно эту сказку называл Эмин в своем «письме г. Всякой всячине» «слабой политикой» и «политическими белилами и румянами».

Статья «Дядюшка мой человек разумный есть» также имеет инносказательный смысл. Дядюшка, потративший много сил на то, чтобы привести в порядок свое запущенное имение, недоволен поведением своих домашних, которые думают только о своих личных выгодах и не хотят ничем помочь ему. «Вообще все заражены двумя пороками: первый — корысть, другой — дух властвования. Наравне быть не умеют, и от того уже родиться может зависть, ненависть, злость, угнетение, когда есть возможность, несправедливости всякие, насильствие и, наконец, мучительства». Дядюшка крайне огорчен всем этим и даже расстроен и раздражен.

Конечно, дядюшка — это сама Екатерина, домашние его — это подданные, а смысл статьи, что нужно уметь «наравне быть», то есть оставаться на том месте на социальной лестнице, где кто находится. Ту же мысль Екатерина проводит в статье «Молодые люди всего желают отведать»; она убеждает все сословия быть довольными своим нынешним положением и не стремиться к его изменению: «Слушайте, Еввины дети, истину неоспоримую и живите спокойно: все вы не можете жить одни без другого, все вы есть члены одного тела».

Не только Эмину была ясна «политика» Екатерины во «Всякой всячине»; и в «Смеси», и в «Трутне» находятся статьи, которые свидетельствуют о том, что передовые представители русского общества тех лет уже не довольствовались либеральными фразами Екатерины и мужественно говорили то, что думали. Л. И. Сичкарев в «Речи о существе простого народа» пишет: «Многие сограждане видят истину, закрытую завесою ложного предрассуждения. Пусть народ погружен в незнание, но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество в подобном себе создании» («Смесь», 1769, л. 25, стр. 198).

Но как резко ни выступали против Екатерины Эмин и Сичкарев, они далеко уступают в силе, страстности и благородном негодовании Новикову. Во «Всякой всячине» под № 103 (в этом журнале не было нумерации листов, а статьи или «отделения» шли без заглавий, но под номерами) была помещена статья, начинающаяся словами: «Некогда читал некто следующую повесть». Статья «Всякой всячины» направлена против журнала Новикова

и проводит мысль, что у Новикова вовсе нет социально полезных побуждений, что его сатирические сочинения представляют сплетни, «жадность и жажду ко новизнам», что это вредно действует на умы молодых читателей.

В ответ на грубую статью Екатерины, — а эта статья безусловно принадлежит ей, это видно из ее последующего ответа, — Новиков напечатал пародию — переделку этой же статьи, взяв статью из «Всякой всячины» за основу и заменив все направленное против него соответственными нападками на Екатерину.

Вот начало и конец обеих статей:

«Всякая всячина»

Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача к тому дается одним словом или действием, а в каждом доме к одному или другому прибавляются свои рассуждения.

Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который любит новизну, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает (стр. 265).

Читав сие, понял он причину, для чего в великом множестве наши листы охотно покупают. Хотите ли оную знать? Боюсь сказать, прогневаются. Одно любопытство и новизна вас к сему поощряет.

Ему пришло на ум еще новенькое. Со временем составлять он хочет ведомости, в которых все новизны напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш. Например... (стр. 266).

...Сведав сие, мы думали, что нам бы непроситительно было утаить сие важное известие от наших читателей (стр. 267).

«Трутень»

Некогда читал некто следующую повесть: у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.

Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который заражен самолюбием, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда не говорят.

Читав сие, понял он причину, для чего сперва тысячами некоторых листы охотно покупали. Хотите ли оную знать? Боюсь сказать, прогневаются; одно желание посмеяться самолюбию авторскому к сему поощряло.

Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключения напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш, например...

...Сведав, я думал, что мне непроситительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей.

В результате получилась статья, исключительно смелая, резкая и полная глубокого достоинства.

Итак, Новиков ударил Екатерину ее же оружием и ударил прямо в точку: виной всему он считает самолюбие Екатерины. Знал ли он, что Екатерина вообще принимала участие во «Всякой всячине» и, в частности, была автором этой статьи (в последнем убеждают, кроме принципиальности данной статьи и повторения ее темы в ряде комедий Екатерины, также неправомерности языка, не везде устраненные технической редакцией)? Из тех вставок, какие сделаны Новиковым в тексте его травести, явствует, что он не только это знал, но именно поэтому намеренно заострил в статье отдельные моменты, подчеркивая тем самым сознательную резкость тона. Екатерина упрекает «любителей новизн и сочинителей» не только в перебивании косточек ближних, но также и в «поношении многих добрых людей». Новиков в противовес ей подробно обрисовывает следствия ее самовлюбленности и жадности к лести. «Если бы сей человек [самолюбивый], — пишет Новиков, порадируя текст Екатерины, — если бы вздумал такие новости читать, то бы сие для него гораздо было полезнее, как мнение, что такой-то не так пишет, как он, или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится... или что многие хвалят те сочинения, кои несогласны с его умоначертанием, или осмеливаются тогда писать, когда он пишет; или, наконец, что все то худо, что не по его и ему не нравится. Такой самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою; он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаясь из дома в дом, ему похвалы возглашали, что однако есть грех».

Может ли после этой цитаты оставаться хоть намек на сомнение в том, что Новиков знал, кто автор статьи во «Всякой всячине»? Это упорное повторение излюбленного Екатериной словечка «умоначертание», это намеренное сочетание понятий «самолюбие» и «ласкательство»,¹ наконец это многозначительное

Для полного уразумения смысла, который вкладывал Новиков в соединение понятий «самолюбие» и «ласкательство», необходимо обязательно привлечь к рассмотрению новиковской травести непосредственно за ней следующее в том же листе «Трутня» «письмо Огорченного», который просит издателя ополчиться «на ласкателей, на сих ядом дышущих чудовищ, противу благосостояния государства; на сих подлых тварей, которые для своего прибытка, обольщаемых ими вельмож отворачают от благотворения». «Я не буду вам описывать, — говорит далее Огорченный, — сколько они

указание на то, что поведение «самолюбивого» «угнетает разум и обнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся», — все это, вместе с более чем прозрачным «он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает», свидетельствует о том, что автор Новикову был хорошо известен и последний воспользовался случаем, чтобы, прикрываясь полемикой с неназванным литературным противником, сказать Екатерине смелые и честные слова о только эгоистической, как ему казалось, основе ее политической линии, о ее самовлюбленности и позерстве. Русская литература здесь едва ли не впервые сделала полный гражданской сознательности, резко откровенный и дерзкий по форме набег на самодержавие Екатерины. Поэтому нельзя забывать об этом поступке Новикова, когда мы читаем глубоко волнующие строки Пушкина, посвященные характеристике екатерининской политики как раз этих лет: «Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная, имела в Европе свое действие; „Наказ“ ее читали везде и на всех языках. Дозвольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но пересчитывая сей лицемерный „Наказ“, нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне; он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна».

Пушкин, в основном, был прав: некоторые русские писатели — реакционные и либеральные — раболепствовали и подличали перед Екатериной. Но, как видно из приведенных материалов, Новиков нашел в себе мужество сказать Екатерине горькие слова обличения.

Через некоторое время после помещения данной статьи один из читателей укорял Новикова за то, что «Трутенъ» не выходил в течение четырех недель. Новиков, оправдываясь, писал так: «Я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но, для избежания хлопот, я о том умалчиваю». Не являлось ли это вынужденное молчание отчасти результатом помещения новиковской травести?

Несомненно, что цензурный нажим на «Трутенъ» после этой стычки и помещенных вскоре затем «Копий с отписок старосты к помещику» усилился. Помимо указанного выше четырехнедельного перерыва в издании журнала, свидетельством цензурных воздействий на Новикова является письмо во второй части

бесчестны и сколько наносят вреда государству, за тем, что я вас прошу написать на них сатиру, но скажу, что они у нас и добродетельнейших похищают вельмож». Конечно, вельможи здесь только замена легко возникающего в связи с дважды повторенным словом «государство» имени Екатерины.

«Трутня» (1700, л. XIII, стр. 39), в котором автор желуется на наборщиков: «Они так портят писмена, попавшие к ним в руки, что читатель, потя и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора». На это Новиков пишет: «Сочинителю сего письма во ответ ничего теперь не скажу; пусть он изволит потерпеть, а со временем я его уведомяю о многом особливом письмом». Намек на то, что виноваты не наборщики, а цензура, здесь достаточно ясен. В следующем листе «Трутня» Новиков, отвечая «молодой сочинительнице» и через ее голову полемизируя со «Всякой всячиной» (вы угрожаете, что «будете жаловаться моей прабабке — но у меня ее нет»), писал: «Ежели бы получил я ваше письмо вчера, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверх того я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы я вам зделал грубый ответ...». Едва ли стал бы Новиков оповещать своих читателей о каких-то своих интимных ссорах; «женщина», взбесившая его, — это либо «цензура», либо, скорее всего, Екатерина, и именно для того, чтобы показать свое благородное упорство в споре с «государыней-публицистом», аргументировавший свои доводы цензурным вмешательством, Новиков безбоязненно заявлял в журнале, т. е. публично, зная, какой резонанс это будет иметь, что он «взбешен был одною женщиною». Можно думать, что «взбешен» был Новиков сообщением о предстоящем закрытии «Трутня», который прекратился через месяц.

Велась Новиковым борьба с Екатериной и другими способами. Так, в «Трутне» (1770, л. VIII) печатается перевод с китайского А. Л. Леонтьева «Чензья, китайского философа, ответ, данный его государю», в «Пустомеле» (1770, июль), другой перевод Леонтьева — «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну»; в обоих переводах с китайского было очень много такого, что наталкивало на сопоставление с русской действительностью 1769—1770 гг. Вот, например, фраза в «Ответе Чензья», которая совершенно злободневно звучала во время толков о роспуске Комиссии 1767 г.: «Если учреждения твои будут легкомысленны и, следовательно, не тверды, то ведай, что не только государство свое не исправишь, но и самого тебя исправить трудно будет» («Трутень», 1770, л. VIII). Во втором переводе обращают на себя внимание те места, в которых старый государь передает власть наследнику (напомним, что в 1770 г. Екатерина, согласно своему письменному обещанию, должна была уступить власть Павлу Петровичу, которому тогда исполнилось шестнадцать лет) и при этом формулирует основные принципы своей правитель-

ственной системы: «Не отдавайся в обман льстецам и лукавцам и не слушай развратных предложений... ведай, что от добродетельного государева жития в государстве бывает мир и согласие...» («Пустомеля», 1770, июль).

«Добродетельное житие государя» служило Новикову также одним из средств борьбы с Екатериной: и в «Трутне», и в «Живописце» находится много статей, в которых осмеивается «престарелая кокетка», подыскивающая молодых любовников («Тругень», 1769, л. VI, л. XVI; 1770, л. III, л. XIII, л. XIV; «Живописец», 1772, л. 11; 1773, л. 12, л. 23). Это несомненно намеки на практику фаворитизма, установившуюся у Екатерины именно в эти годы. Нападки Новикова на Екатерину по этой линии построены всегда так осторожно, что цензуре никак нельзя было придаться к чему бы то ни было, а читателям в то же время было ясно, о ком и о чем идет речь. Иногда резкость Новикова идет чрезвычайно далеко. Такова, например, характеристика развратной «девицы», которой идет уже пятый десяток (Екатерина родилась в 1729 г.) и которая гордится тем, что «никто уже [ей] не скажет: живи с одним и люби одного»; эта же «девица» пишет письмо о «Живописце» и подписывается инициалами «Р. Г.», которые можно расшифровать, как угодно, в том числе и как «Российская Государыня».

Своеобразие борьбы Новикова с Екатериной проявлялось в том, что обычно, вслед за такими резкими нападками на свою антагонистку, Новиков помещал в том же или ближайшем листе журнала обильные, но холодные и потому производившие впечатление официальной отписки похвалы Екатерине. Этим он как бы иллюстрировал цитированные выше слова старца Аполлония к Коммоду: «Если ты не будешь добродетелен, то почтен будешь наружно и ненавидим внутренно».

Формы борьбы Новикова с Екатериной были настолько разнообразны и тонки, что иногда они вводили в заблуждение даже весьма осторожных исследователей. Особенно характерен случай с посвящением («приписанием») журнала «Живописец» «Неизвестному сочинителю комедии „О время!“», то есть Екатерине.

Потерпев неудачу на поприще сатирической журналистики в 1769 г., Екатерина в течение 1770—1771 гг. написала пять комедий. Первая из них, «О время!», была представлена в начале 1772 г. на придворном театре как пьеса «неизвестного сочинителя», но всем интересовавшимся литературой и театром было известно, что автором комедии является Екатерина. Еще в заключительном письме «Всякой всячины» Екатерина, намекая на свое обращение к драматургии, в угрожающем тоне обещала, что «достанутся от [нее] многим щедрые милости» («Барышек Вся-

кия всячины», 1770, стр. 502). В своей комедии Екатерина нападает на «недовольных» и «критикующих» правительственные мероприятия, выставя своих противников в карикатурном и пристрастном освещении; в ряде мест можно усмотреть прямые отголоски полемики 1769 г., иногда можно даже угадать намеки на Новикова и его «Трутень».

Новиков воспользовался появлением сатирической комедии Екатерины и, ссылаясь на ободряющий пример «неизвестного сочинителя», стал издавать «Живописца».

Помещенное в первом листе нового журнала «Приписание» Екатерине является не панегириком «неизвестному сочинителю», как почему-то принято считать, а очень ловкой критикой пьесы Екатерины. Сказав несколько комплиментов анонимному драматургу, Новиков продолжает: «перо ваше достойно равенства с Молиэровым.¹ Следуйте его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши... Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица... Низкостепенной порочной человек, видя осмеиваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, в первой раз в жизни своей восчувствует равенство с низкостепенными».

Подчеркнутые нами места достаточно отчетливо показывают позицию Новикова при оценке комедии Екатерины. Советы следовать Мольеру, смело критиковавшему пороки высшего дворянского круга, предложение взглянуть беспристрастным оком, истребить из сердца всякое пристрастие и т. д., и т. д. — все это не что иное, как признание того, что как раз эта необъективность, пристрастность, сведение личных счетов и представляет недостатки Екатерины как автора комедии «О время!». Особенно замечательна фраза, что «пороки в бедности только одной пером вашим угнетаются».

Иными словами, в форме посвящения своего журнала Екатерине Новиков вступает с ней в новую фазу борьбы, обезоруживая ее ссылками на ее собственную анонимную сатирическую комедию. Поэтому совсем особо звучит характеристика комедии «О время!», данная Новиковым несколько ниже, как «преполезного сочинения». Лукавым языком, в котором сознательно перемешаны элементы иронии и самозащиты, он льстил: «Примите, государь мой, сей знак б л а г о д а р н о с т и за ваше преполезное

¹ В 3-м издании «Живописца»: «перо ваше достойно будет равенства с Молиэровым». (Разрядка здесь и в тексте моя. — П. Б.).

сочинение от единомышленника вашего. Вы открыли мне дорогу, которой я всегда страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единомышленников; вы поострили меня испытать в том свои силы.

IV

Вопрос о характере и границах сатиры незаметно, но неизбежно перешел в борьбу с самодержавием. Конечно, это еще не борьба с самодержавием как с принципом; здесь перед нами только борьба с Екатериной как с личностью, как с нарушительницей идеала истинно добродетельного государя. Однако недооценивать значение этой борьбы нельзя. За Новиковым остается бесспорная заслуга первой литературной войны с представителем самодержавия.

Если бы сатирическая журналистика 1769 г. в лице «Трутня», «Адской почты» и «Смеси» ограничилась одной только этой линией борьбы, то и за это она достойна была бы нашего уважения. Но за Новиковым и его соратниками была вторая, не менее важная заслуга. Они впервые поставили во всей ширине и глубине вопрос о положении крепостных крестьян.

Именно эту сторону сатиры 1769 г. особенно высоко ценил Добролюбов. Он указывал, что в суждениях о положении крепостных она была «резка и беспощадна», что крестьянский вопрос был поставлен на вид «безбоязненно и серьезно». В то же время Добролюбов правильно указывал на ограниченность и слабость этой сатиры: она нападала «не на принцип, не на основу зла, а только на злоупотребление того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло» (т. II, стр. 174—175).

Таким образом, Добролюбов, говоря об ограниченности новиковской сатиры в крестьянском вопросе, отмечает как раз то, что было установлено нами выше, когда шла речь об отношении Новикова к Екатерине.

Однако и в данном случае, как и в борьбе его с Екатериной, заслуг Новикова преуменьшать нельзя. В «Трутне», а затем в «Живописце» Новиков печатает и свои и чужие статьи о крепостном крестьянстве, придавая им самые разнообразные формы: «рецептов», «портретов», «писем», «копий» с переписки крестьян и помещика, «ведомостей» (газет), «путешествий» и т. д. И во всех этих произведениях проводится мысль о неотложной необходимости изменения положения крепостных. Но ни Новиков, ни самые радикальные из его сотрудников не ставили прямо вопроса о необходимости отменить крепостное право. Новиков, как верно указал Добролюбов, только взывал к нравственному чув-

ству помещиков и настаивал на прекращении злоупотреблений владельческими правами. Однако и это имело большое значение, если не по практическим результатам, то, во всяком случае, для развития в литературе гуманности, искреннего сочувствия к крепостному крестьянину и стремления верно и правдиво изобразить его жизнь.

Борясь с фальшивыми уверениями Екатерины и ее окружения в том, что положение крепостных превосходно, Новиков и его сотрудники и журнальные соратники, Эмин (в меньшей степени) и Сичкарев (в большей), противопоставляют им картины подлинной русской крестьянской жизни того времени. «Копии с отписки крестьян к помещику» и «Копия с господского указа» написаны так хорошо, что ни на минуту не возникает мысли, что перед нами сатира, преувеличение. В публикациях документов XVIII в., касающихся положения крепостных, можно найти буквальные параллели этим «Копиям». Не случайно Добролюбов дважды высказался по поводу этих «Копий»: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?». (т. II, стр. 167). А в другом месте по тому же поводу он писал: «Если это письмо вымышлено, то нужно признаться, что оно вымышлено с большим талантом и знанием дела и недостатков того времени» (т. I, стр. 262).

Не входя в подробное рассмотрение всего материала в журналах Новикова, относящегося к теме крепостного крестьянства, остановимся на знаменитом «Отрывке путешествия в*** И*** Т***». (Об авторе см. стр. 560—564).

В этом произведении с исключительной силой была поставлена проблема аморальности крепостного права. Для каждого внимательного читателя ясно, что так называемый «Отрывок путешествия», представляющий якобы XIV главу из путевых записок автора, на самом деле самостоятельное произведение, самая форма которого дает автору возможность показать реальную, неприкрашенную жизнь крепостных того времени.

Вводная часть «Отрывка» говорит об общем положении крестьян. Путешественник «останавливался во всяком почти селе и деревне, ибо все они равно любопытство [его] к себе привлекали, но в три дни сего путешествия, — продолжает он, — ничего не нашел я, похвалы достойного. Б е д н о с т ь и р а б с т в о повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханые поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. . Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною.

Эта обобщенная картина и выводы, которые делает путешественник, тесно связаны с деятельностью всем еще в это время памятной Комиссии 1767 г. Главные споры о положении крепостных разгорелись в Комиссии в середине 1768 г. Один из наиболее радикально настроенных депутатов, артиллерии поручик, Григорий Коробьин, выступил с «мнением», то есть специальной запиской, в которой, отвечая на вопрос о причинах побегов крепостных крестьян от помещиков, писал следующее: «Часто я размышлял о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, с которой ступить почитает он за дело невозможное, покинуть родственников, жену и детей, которых видя при себе несказанно утешается, а разлучаясь с ними источник слез проливает, странствовать по неизвестным местам и предаться толиким несчастиям, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду в такие мысли, то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, многие, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, узидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания. Сожаления, подлинно, достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало по малу собирающего имение, почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя и семью свою, также платить оброк своему господину, но вдруг неожиданным помещичьим приказом, или под предлогом усмотренной за ним будто какой вины, или без всего, лишаящегося всех своих с толиким трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестнейшую бедность, что подлинно с человеколюбием схождения никакого не имеет. Но ежели все сие беспристрастно рассмотрим, увидим точно, что сие угрожает разорением целому государству; ибо тогда только процветает или в силе находится общество, когда составляющие оное члены все довольны: от сего их спокойствие, от сего и дух, к защищению своего отечества распаляющийся, происходит. Но как известно, что земледельцы суть душа обществу, следовательно, когда в изнурении

пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет; итак, от изнеможения общества души, недействительными чрез то самое остаются и члены общества, т. е. разоря крестьян, разоряются и все прочие в государстве. А сие зло коль пагубно государству, всяк удобно понять может от единого токмо воображения разоренных граждан».¹

Далее Коробьин анализирует некоторые пункты «Наказа» Екатерины и снова приходит к выводу, что «причиною бегства крестьян, по большей части, суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением», и что «оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над именными своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало» (стр. 408).

Понимая, как радикально звучит его призыв «разрушить сие начало», Коробьин продолжает: «В рассуждении сей материи я бы с охотою от нея воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться или иногда и подвергнуться самой крайней для жизни своей опасности. На первых хлебопашцы взирают как на своих отцев, а на вторых как на бич, отгоняющий их от своего семейства» (стр. 408).

В «мнении» Г. С. Коробьина отразились две точки зрения: первая считала, что между помещиками и крепостными могут быть такие отношения, как между «отцами» и их «чадами»; другая настаивала на том, что «всячески трудиться должно разрушить сие начало», сперва ограничив власть помещика над имуществом крестьян, а затем и над их личностью. Все это не было достижением и личным мнением одного только депутата козловского дворянства Коробьина: эти две точки зрения были распространены в тогдашнем русском обществе.

«Отрывок путешествия в*** И*** Т***» проводил вторую точку зрения. Помещенная в л. 5 «Живописца» (1772) первая часть «Отрывка» вызвала бурные споры в дворянских кругах. Отголоски этого находятся в самом «Живописце»; так, уже в л. 9 в письме щеголихи («Моп соеиг, Живописец!») упоминается о том,

¹ Сб. имп. Русск. Истор. общ., т. XXXII, стр. 406—407.

что «Отрывок» обратил на себя внимание читателей даже такого легкомысленного разряда, как автор письма; конечно, это не подлинный отклик, как не подлинный отклик и упоминание о «Живописце» в «Письме уездного дворянина к сыну» (л. 15); Новикову хотелось показать, как должны реагировать на появление «Отрывка» разные категории читателей его журнала. Но помещенная в л. 13 «Живописца» «Английская прогулка» никак не может быть причислена к откликам подобного рода.

Передавая свою беседу с одним из знатных, но добродетельных и доброжелательных к «Живописцу» читателей своего журнала, Новиков приводит некоторые суждения своего собеседника: «Без сомнения, дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные; но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне пятым вашим листом недовольны, однако ж ведайте и то, что многие за оной же лист и похваляют вас».

Далее собеседник Новикова будто сказал ему следующее: «...в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому... Я знаю еще недовольных вашим листком, но неудовольствие сих людей достойно того, чтоб вы имели к ним почтение, ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели осуждали, что вы не с той стороны принялись за сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного, что подлости одной свойственно утопать в пороках и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однако ж, будто они, яко благородные люди, от порицания всегда должны быть свободны..

Вполне возможно, что Новиков действительно имел в виду реальные толки по поводу «Отрывка путешествия», помещенного в л. 5 «Живописца». Но несомненно, что суждения, приведенные им в «Английской прогулке», в какой-то мере совпадали со спорами, — и, как свидетельствуют документы, с яркими спорами, — в Комиссии 1767 г. по поводу положения крепостного крестьянства. Когда собеседник Новикова в «Английской прогулке» говорит о критиках пятого листка, которые были «побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому», то нельзя не вспомнить выступлений в екатерининской Комиссии кн. М. М. Щербатова, яркого и по-своему талантливого защитника интересов родовой, старинной знати, нельзя забыть «мнения» депутата муромского дворянства И. П. Чаадаева «о прекращении

легкого способа к достижению дворянского достоинства» и других дворянские попытки закрепить свое привилегированное положение в государстве. Особенно важны в этом смысле многочисленные замечания реакционных дворянских депутатов на цитированное выше «мнение» Г. С. Коробьина.

Трудно допустить, что, рисуя различных Безрассудов, Злорадов, Надменов, Забылчестей и тому подобных реакционных дворян, Новиков и его сотрудники, в большинстве своем принимавшие участие в занятиях Комиссии, не имели в виду определенных деятелей реакционно-дворянского лагеря из числа депутатов. Зная манеру сатирических журналов 1769—1774 гг. еле заметными штрихами характеризовать сатирически-изображаемых персонажей, мы не можем допустить случайности в таком факте, как наличие в л. XXXIII «Трутня» (1769) судьи Забылчестей и упоминание в «Английской прогулке» о дворянах, которые «имеют слабость забывать честь и человечество».

Таким образом, можно не сомневаться в том, что и «Копии с отписок», и «Письма к Фалалею», помещенные в «Живописце» (1772), и «Отрывок путешествия», и «Английская прогулка», и другие многочисленные и разнообразные статьи о положении крепостных и об отношениях помещиков и крепостных являлись не просто фактами литературного творчества, а живыми и темпераментными откликами на коренные вопросы, поставленные жизнью перед «Комиссией для сочинения проекта Нового уложения».

Выше было упомянуто, что «Английская прогулка» была помещена после напечатания первой части «Отрывка путешествия». Собеседник Новикова, сообщив ему о неблагоприятных толках по поводу пятого листа «Живописца», в дальнейшем сам истолковывает эту первую часть «Отрывка путешествия» в смысле благонамеренном и умеренном как произведение, выступающее только против злых и бессердечных помещиков, только против злоупотреблений помещичьей властью.

По поводу того, каково было истинное задание «Отрывка путешествия», когда он был принят к печати, сейчас сказать трудно. Дело в том, что вторая часть «Отрывка» безусловно напечатана была не в первоначальном виде, а в обработке Новикова, старавшегося, после неблагоприятных толков о первой части «Отрывка», в интересах сохранения журнала смягчить острый, антикрепостнический смысл произведения. Для этого приделаны были начало и конец во второй части «Отрывка» (подробнее об этом см. в комментарии к л. 5 «Живописца» 1772 г.). Не исключена возможность того, что и в первой части «Отрывка» фраза — «О солнце лучами щедрот своих [царей,

дворян?]

озаряющее, призири на сих несчастных!» — тоже была прибавлена из цензурных соображений Новиковым: ни по идейному характеру всего произведения, ни по его стилю, суровому, обличительному, мрачному, эта либеральная фраза не может быть признана органической частью «Отрывка».

«Копии с отписок» и «Отрывок путешествия» представляют, несомненно, вершину сатирической журналистики 1769—1774 гг. в обсуждении крестьянского вопроса. После помещения «Отрывка», даже со смягчающими его первоначальную остроту «Английской прогулкой» и второй частью «Отрывка», «Живописцу», повидимому, было вообще запрещено касаться крепостного вопроса.

Однако и то, что было сделано Новиковым и другими издателями прогрессивных журналов, имело большое значение для последующего развития крепостной темы в русской литературе: была заложена передовая традиция в борьбе с самодержавием и крепостничеством.

V

В сатирических журналах Новикова и других аналогичных изданиях того времени, помимо вопроса о характере сатиры, то есть вопроса о праве на свободу общественного мнения, переходящую в борьбу с самодержавием, и вопроса о крепостном крестьянстве, затрагивалось немало других важных современных проблем. Однако все они являются вторичными, производными; все они так или иначе восходят к борьбе с самодержавием и с крепостным правом.

В сущности говоря, вся история и история литературы екатерининского времени вращается вокруг одной оси — вокруг крепостного вопроса. «Чудовищный указ 1765 г. разрешил помещикам ссылать крестьян на каторгу по своему произволу. Усилив елизаветинский закон 1760 г. о ссылке на поселение, Екатерина довела крепостное право до его крайних пределов. Ближайшим дополнением указа 1765 г., расширившим его применение, был августовский закон 1767 г., по которому ссылкой на каторгу каралась всякая жалоба крепостного на своего помещика. Всякая челобитная крепостного приравнивалась к ложному доносу на помещика».¹

Конечно, все эти в законодательном порядке закрепленные формы ухудшения положения крепостных не могли не вызвать реакции как самого крепостного крестьянства, так и передовой части русского общества.

¹ История СССР, т. 1. Под ред. акад. Б. Д. Грекова. 2-е изд., ОГИЗ, 1947, стр. 617.

Около 1768 г. создается анонимным крепостным поэтом упоминавшийся выше «Плач холопов», в котором с исключительной силой и реалистичностью изображается положение крепостной массы:

Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьеу доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ.
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас.
В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают.
Что могут-де холопы там говорить?
Отдали б им волю до смерти нас морить.
Знать, мы все несчастны на свет рождены.
Что под власть таким тиранам вовек утверждены!
За что нам мучиться и на что век тужить?

Выражая мнение и настроение народных масс, крепостной автор «Плача холопов» питает крестьянскую иллюзию о «хорошем», надклассовом, а по существу крестьянском, царе. Идеал его утопический:

Ах! когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собою дружбу,
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить.
Прежде их затем тиранов пущали,
Чтоб они Россию просвещали,
А они уже так нами владеют,
Что и говорить холопы не смеют.
Когда холоп в господские слова вступил,
То так, — как сам себе он побой купил.
Когда в Россию набродов сих пущали,
Тогда нам лучшее правление обещали,
А они российских дворян со однодворцами определили,
А нас, несчастных, по себе разделили.
Пропали наши бедные головы
За господами лихими и голыми!
Все мы в немилосердых руках связаны,
Как будто таким татством обязаны.
О! злые господа к царю нас не пущают
И милости своей к нам не обещают.

Однако настроение крепостных выражалось в 1760-е годы не только в такой форме.

В. И. Семевский в статье «Волнения крепостных крестьян при Екатерине II. 1762—1789»¹ приводит множество фактов, свидетельствующих о том, какие формы принимал протест крепостной массы.

¹ «Русская старина», 1877, февраль, стр. 193—226.

Одной из таких, наиболее обычных, форм были индивидуальные и массовые побеги крепостных, на которые, как было показано выше, обращал внимание Комиссии 1767 г. Г. С. Коробьин. Затем шли грабежи и убийства помещиков. «По свидетельству одного современника, — пишет В. И. Семевский, — особенно много помещиков было убито крестьянами в 1767 г.; вообще крепостные крестьяне в этом году волновались во многих местах» (стр. 198). Приведя ряд фактов убийства помещиков в течение первых лет царствования Екатерины, В. И. Семевский переходит к характеристике крестьянских волнений и вооруженных столкновений с посланными на их усмирение правительственными войсками. Выводы Семевского таковы: «Таким образом, с 1762 по 1769 г. мы постоянно видим волнения крепостных крестьян то в той, то в другой местности России» (стр. 221).

Написанная три четверти века назад, статья В. И. Семевского была подтверждена позднее множеством новооткрытых материалов. Итог, к которому привело его обобщение собранных фактов, таков: «Познакомившись со всеми известными нам волнениями крепостных крестьян, которые составляют, вероятно, ничтожную часть всех подобных волнений, мы едва ли можем сказать, что крепостные слишком пассивно сносили свое рабское иго» (стр. 226). Исследования советских историков крестьянского движения второй половины XVIII в. приводят к более решительным выводам: крепостная масса активно и непрерывно вела борьбу за свои права.

Среди неупомянутых В. И. Семевским форм борьбы крепостного крестьянства с дворянским государством следует назвать и «самозванчество». Благодаря новейшей работе К. В. Сивкова советская наука располагает большими данными по этому вопросу. «Самозванчество XVIII в. (как и самозванчество XVII в.) было одной из форм и одним из проявлений происходившей тогда напряженной классовой борьбы. Но царистские настроения, вера в „хорошего“ царя, свойственные в то время широким народным массам, приводили к тому, что эта борьба принимала форму выступлений под знаменами якобы несправедливо лишенного власти ее „законного“ представителя, либо уже что-то давшего народу, либо непременно долженствующего его облагодетельствовать, как только он эту власть получит. Так было и в последней трети XVIII в. Все самозванцы последней трети XVIII в., за немногими исключениями, принадлежали к социальным „низам“ и были беглыми солдатами, беглыми крестьянами, однодворцами. Из среды этих же социальных групп обычно выходили и распространители разных слухов о бывшем императоре Петре Фе-

доровиче, и среди них же самозванцы находили особенно много сторонников».¹

По подсчетам исследователя с 1764 по 1797 г. было возбуждено дело против 23 самозванцев обоего пола (не включая Пугачева и Тараканову). Шесть самозванцев действовали в течение 1764—1769 гг.

Безусловно и литературные, и политические формы протеста крепостных масс (побеги, волнения, восстания, самозванчество, грабежи помещиков) — все это было хорошо известно русским писателям 1760-х годов, и, конечно, оставаться безучастными к тяжелому положению народа передовые русские литературные деятели не могли и не хотели.

Можно смело сказать, что почти все общественное и литературное движение екатерининского времени было вызвано настроениями крепостного крестьянства. И «мнения» Г. С. Коробьина и других радикальных депутатов в «Комиссии для сочинения проекта Нового уложения», и самая «Комиссия», и сатирическая журналистика, и комедия, и комическая опера XVIII в., и многое, многое другое — все это в той или иной мере отражало или считалось с настроениями крепостной, доведенной до отчаяния массы.

Передовые писатели, иногда, может быть, даже не сознавая этого, выступая по разным вопросам современности, руководствовались соображениями о положении крепостных крестьян. Так, очень много места занимает в «Трутне», «Живописце» и других журналах Новикова, Сичкарева и Эмина тема воспитания. При кажущейся самостоятельности этой проблемы она, в понимании тогдашних прогрессивных писателей, тесно связана с вопросом о положении крепостных, с нравственным обликом будущих помещиков и помещиц, обладателей многих сотен тысяч крепостных.

Видное место занимает в сатирических журналах Новикова и его соратников борьба со взяточничеством подьячих-чиновников, с развращенностью екатерининской администрации. Конечно, в известном смысле этот вопрос связан с борьбой прогрессивных журналистов с самодержавием Екатерины, бравшей взяточников под свое покровительство и обвинявшей просителей в соблазнении «бедных подьячих». Передовые писатели видели во взяточничестве чиновников, в особенности судебных и полицейских, народное бедствие, усугублявшее и без того тяжелое положение бесправной крепостной массы.

¹ К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. — «Исторические записки», 1950, т. 31, стр. 89—90. Ср. также «Сов. книгу», 1950, № 12, стр. 60—61.

Передовые журналисты, и сильнее и талантливее всех Новиков, боролись с роскошью, мотовством, французоманией дворянства, с его бессердечными и сумасбродными прихотями, так как им было ясно, что все это помещики осуществляют за счет крепостной массы.

Даже тогда, когда передовая сатирическая журналистика 1769—1774 гг., борясь с самодержавием Екатерины, ставит вопрос об «идеальном государе», она одним из мерил справедливости и добросердечия «идеального монарха» считает отношение его к народной массе.

Иными словами, вся прогрессивная русская общественная жизнь того времени, передовая литература, журналистика, наука и искусство в той или иной степени, в той или иной форме связаны с темой положения крестьян, отражают ее в каком-то виде и вызваны ею к жизни; каждое общественно важное литературное произведение тех лет так или иначе определяется настроениями крестьян, конечно, если не понимать это отражение упрощенно и не искать его в непосредственном виде.

Касаясь темы воспитания как одной из важных тем сатирических журналов Новикова, мы должны отметить и его благородно патристическое рвение придать национальный характер воспитанию русского юношества. Новиков, как и его современники, прогрессивные писатели — Фонвизин, М. Попов и др. — был связан со старыми, петровскими и даже допетровскими передовыми традициями. Он глубоко и искренно верил и был убежден, что в старину русские люди были нравственнее, добродетельнее и добросердечнее, чем поколение, выросшее в царствование Елизаветы и выросавшее на его глазах в царствование развратной «девицы Р. Г.», российской государыни Екатерины. Новиков считал, что и отношение к крепостным диктуется степенью прочности национальных начал в дворянине-помещике. Видя, с какой отвратительной легкостью модничающие дворяне продают крепостных семьями и в одиночку, как цинично обменивают они людей на собак, на лошадей, на предметы роскоши, Новиков в поисках объяснений подобных поступков приходил к выводу, что виной всему «французское» воспитание, получаемое его современниками, отрыв их от родной почвы, пренебрежение и презрение к родной культуре и языку.

Именно отсюда и происходит столь непримиримое отношение Новикова к воспитателям-французам типа шевадье де-Мансонж и м-г Фрипон. Отсюда рождается у него резко отрицательная позиция в вопросе о французской философии, нашедшая свое выражение в последнем его журнале, в «Кошельке» (1774). Отсюда возникает его идеализация старинных русских добродетелей.

телей и интерес к истории России и русской литературе, имевшие положительное значение в развитии русской культуры: с 1772 г. Новиков начинает издавать исторический сборник «Древняя российская вивлиофика [библиотека]», в котором печатаются ценные исторические и литературные материалы, в дальнейшем оказавшиеся в высшей степени полезными в развитии русской исторической и историко-литературной науки.

В том же 1772 г. Новиков издает «Опыт исторического словаря о российских писателях», в котором собраны сведения о большом числе русских литературных деятелей прошлого и тогдашней современности. Уже одно это обстоятельство имело большое значение, так как давало прочную основу для разработки истории русской литературы. Однако издание «Опыта словаря» имело еще и другую, не менее важную сторону. Привлечение материалов по литературе допетровского времени являлось доказательством наличия древней литературной традиции в русской культуре, свидетельствовало о существовании преемственности в ее развитии, делало русскую литературу не безродным, недавно занесенным извне явлением, а фактом и фактором русской культуры, наравне с другими явлениями русской действительности. Этой же цели добивается Новиков, помещая и в «Живописце» (1773) «Надгробную надпись иеромонаху Симеону Полоцкому».

Таким образом, идеологическая позиция Новикова в 1772—1773 гг. делала его одним из самых передовых, патриотически настроенных людей России того времени.

Из этой прогрессивной, патриотической позиции Новикова происходила его борьба за чистоту и правильность русского языка, его постоянное высмеивание антинародного жаргона щеголей и щеголих. В этом особом, «салонном» жаргоне Новиков справедливо усматривал опасность разрушения общенародных связей, осуществляемых средствами национального языка. Этим объясняются его иронические и саркастические замечания о «новомодном, щегольском диалекте», его многочисленные статьи-письма якобы от лица «вертопрахов» и «щеголих», раскрывающие средствами «модного наречия» нравственное уродство, идейное убожество, социальную вредность всех этих Наркисов, Влюбленов, Перекрас, Нелеп, Ветренов и т. д.

С другой стороны, язык многих статей в журналах Новикова отличается исключительной правильностью, простотой, порою даже изяществом. Выключая статьи, написанные в намеренно стилизованной манере, — например, «Письма к Фалалею», выдержанные в духе и в фразеологии провинциального дворянства, «Письма к племяннику», которые принадлежат якобы отставному

подьячему, «Письмо отца Тарасия» (кстати сказать, остроумнейшая сатира на тунеядствующее монашество) и т. п., — большинство литературных произведений в прозе, помещенных в новиковских журналах, является прекрасным материалом для изучения живого литературного и народного языка того времени. Если нельзя сказать, что язык журналов Новикова подготовил язык Фонвизина, то безусловно справедливо то, что язык журналов Новикова следует поставить и изучать рядом с языком Фонвизина.

Характеризуя деятельность Новикова как журналиста и издателя, нельзя обойти и такого важного факта, как умение его сплотить вокруг своих журналов наиболее жизнеспособные силы тогдашней русской литературы. Среди сотрудников Новикова мы встречаем Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, М. И. Попова, А. О. Аблесимова, Ф. А. Эмина, Л. И. Сичкарева, Ф. В. Каржавина, В. Г. Вроблевского, архангельского писателя-купца А. И. Фомина, М. В. Сушкову и др.; здесь помещали свои произведения писатели старшего поколения: А. П. Сумароков (под псевдонимом «Прошу не прогневаться»), В. И. Майков, И. К. Голеневский и др. Таким образом, Новиков являлся в известном смысле собирателем литературных сил своего времени.

VI

Сатирическая журналистика 1769—1774 гг. представляет бесспорно самое значительное в общественном и литературном отношении явление в истории русской журналистики XVIII в. В самой постановке ряда вопросов, выдвинутых общественной борьбой того времени, в методах и формах разрешения этих вопросов, в темпераментности и страстности тона почти не прекращавшейся полемики — во всем этом проявились лучшие стороны тогдашней русской литературы и определилось, наряду с другими факторами общественной жизни, в значительной мере и под влиянием этой журналистики, развитие прогрессивных тенденций в литературе последующего времени. Конечно, сказанное относится, в первую очередь, к журналам Новикова, отчасти к его союзникам — «Смеси» и «Адской почте». Во всяком случае, воздействие сатирической журналистики этих лет на дальнейшее творчество Фонвизина, на раннего Крылова и далее, вплоть до Грибоедова (на последнего, конечно, не непосредственно, но как известная традиция), едва ли оспоримо.

Сатирические журналы 1769—1774 гг. показали и правительству и народу, что литература делается серьезной общественной силой и помогает оформлению общественного мнения.

Именно этой причиной обусловлены были цензурные придирки и преследования передовых журналов, именно эта боязнь пробуждения в народе сознательного отношения к социальным проблемам влекла за собой закрытие лучших изданий этого периода. В этих журналах передовые писатели боролись за право на независимую, не опекаемую екатерининским правительством мысль, за право на критику представителей верховной власти и их окружения, за право на самоуважение.

Вместе с тем, в сатирической журналистике тех лет серьезное, честное отношение к критике социальных бедствий эпохи требовало простоты и точности в изображении действительности. Это порождало в недрах классицизма, господствовавшего тогда в нашей литературе, реалистические элементы. Больше того, некоторые статьи в журналах Новикова и в «Смеси» представляют не только «нарастание», но и несомненные этапы в развитии русского «критического реализма», в особенности это относится к «Копиям отписок», к «Отрывку путешествия в*** И*** Т***», к «Письмам к Фалалею». И, тем самым, сатирическая журналистика полностью опровергает распространенное мнение, будто в условиях классицизма проникновение реалистических элементов допускалось только для жанров комических и для вящего комизма. Требование «не обманывать ни себя, ни других», выставленное Новиковым в «Живописце», — это программа, идущая вразрез с эстетикой классицизма и, больше того, порывающая с ней. Кажущаяся идентичность этих требований с «правдой», «естественностью» канонических «искусств поэзии» классицизма не должна закрывать перед исследователем и читателем подлинного своеобразия русской трактовки этих проблем.

Необходимо отметить и исключительную гибкость, легкость и чистоту языка сатирических журналов. На эту сторону в дореволюционном литературоведении обратил внимание едва ли не один только Добролюбов. Между тем как этап в создании русского литературного языка, лучшие образцы художественной продукции этих журналов ближе стоят к языку XIX в., чем проза и, тем более, стихи последней четверти XVIII в. Язык Фонвизина (в комедиях), Крылова и Грибоедова не понятен без учета речевой практики сатирических журналов 1769—1774 гг.

Подводя итоги деятельности сатирической журналистики тех лет, отмечая ее значение как крупного фактора общественной жизни, этапа в развитии русского языка, как одного из важнейших звеньев в зарождении «критического реализма», нельзя не выделить особо фигуру Новикова. Последующая, масонская, полоса жизни этого замечательного писателя и общественного деятеля не должна влиять на оценку его исключительной и,

в условиях того времени, прогрессивной роли, какую он играл в период 1769—1774 гг. Несомненно, он центральная фигура сатирической журналистики. Историей не может и не будет забыто высокое благородство поставленных им целей, смелость и решительность в борьбе, остроумие и меткость полемических ударов, наконец, преследования, которым подвергались все его сатирические издания. Но Новиков был человеком своей эпохи. Добролюбов был прав, говоря, что сатира екатерининского времени не добиралась до «сути дела», т. е. до подлинного анализа и последовательной критики, а значит, и революционной борьбы с крепостным правом. Новиков в этом вопросе был умереннее, чем некоторые из его сотрудников, в частности Радищев. Оставаясь в пределах «законности», Новиков боролся с злоупотреблениями крепостным правом. Возможно, что, помещая «Копии с отписок», «Отрывок путешествия» и пр., Новиков искренно считал, что способствует борьбе с «злонравными дворянами», а не с коренным злом. Во всяком случае, в этом основном пункте Новиков не так решителен и последователен, как в своей политической оппозиционности, в своей борьбе с Екатериной. Здесь он страстен, смел, талантлив; он неистощимо изобретателен в своей литературной борьбе, в отыскании новых сатирических жанров, подчиненных основным его политическим идеям, в создании в обход цензуры эзоповского языка. В истории русской литературы и общественной мысли Новикову принадлежит великая и бесспорная заслуга. Новиков не просто отражал современную ему русскую жизнь, он смело критиковал ее отрицательные явления, упорно боролся с ними и тем самым воспитывал политическую мысль своих современников; его можно назвать первым русским политическим журналистом.

А. В. Луначарский вспоминал, что в 1918 г. В. И. Ленин сказал ему: «Ставьте, как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и прямоту их чувства. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры».¹

В составленном вскоре после этого списке будущих памятников, одобренном В. И. Лениным и И. В. Сталиным, стояли имена двух русских писателей XVIII в.: первый был А. Н. Радищев, за ним следовал Н. И. Новиков.